

Почему так жесток снег?

Рикардо Агирре

Уже вечером погода испортилась. Утром светило солнце, а сейчас идет снег. Перед этим шел дождь. Сильно похолодало. Сегодня Рождество. Один из главных христианских праздников. В Рождество они попали в аварию. Судьба? Религиозный праздник, символизирующий рождение Иисуса, отнял у него самое дорогое, что было сейчас. Джулия в коме. Никаких прогнозов. Врачи не дают прогнозов. Говорят - ждите. Джулия в реанимации. Он не может подойти к ней. Говорят - нельзя.

Остаться в палате невыносимо. Телефон молчит. Экран разбит - выпал из руки во время первого удара. Удара, возникшего по глупости и безответственности водителя. Молодой мужчина, ему недавно исполнилось сорок. Казалось - живи и радуйся. Но нет. Самоуверенность погубила его. Водителя маленького грузовичка в дороге сразил инфаркт, и последнее, что он сделал - нажал педаль газа. Сознательно или нет - уже никто никогда не узнает. А водитель машины, в которой ехали Джулия и Рикардо, - он осознанно нажал на педаль газа, надеясь, что успеет проскочить. Не успел...

Из-за него Джулия получила серьезные травмы. Она в коме, и нет никаких прогнозов. За окном идет снег - природа будто бы переживает. Будущего нет. Только сегодня он думал по возвращении в Мадрид надеть любимой кольцо на палец, сделать ей предложение и записаться на церемонию. И теперь Джулия в коме. К ней не пускают. В реанимацию вообще не пускают посторонних. Такие правила. Надо смириться. Надо ждать. Это единственное, что остается. Ждать.

Пришла медсестра. Принесла таблетки, решила измерить давление, но Рикардо не дал провести манипуляции. Таблетки полетели в маленькую худенькую девушку, а Рикардо, ругнувшись, лег на кровать, отвернулся к стене и накрыл голову подушкой. Послышались шаги, потом закрылась дверь.

Рикардо Агирре

В тишине ему не удалось полежать. Открыв глаза от звука приближающихся шагов, мужчина поморщился и сел на кровати. К нему подошли медсестра и врач. Доктор стал долго говорить ему о проблемах с сердцем и вреде отказа от лекарств. Медсестра снова протянула ему таблетки, и опять они оказались на полу. Поднос с едой, которая приятно щекотала ноздри своим запахом, раздражал. Рикардо не хотел есть, пить, он хотел только оказаться рядом с Джулией. Но это было невозможно. Ему ничего не говорили о состоянии пациентки, потому что оно не могло существенно измениться за несколько часов.

Врач снова пытался вразумить Рикардо, но был послан отборным и жестким матом, и покинул палату. Мужчина скинул поднос и, встав с кровати, раскидал тарелки и столовые приборы. За дебошем последовало наказание - он поскользнулся на чем-то и упал.

Ему помогли подняться и уложили на кровать. В свете лампы блеснула игла

шприца, и, прежде чем он успел что-то осознать, почувствовал укол...

Рикардо Агирре

Мимо больницы проехал грузовик. Рикардо открыл глаза. Сердце бешено колотилось в груди, дыхание было судорожным, похожим на всхлипы. За окном было светло, шел снег. Мужчина сел на кровати. Сильно болела голова, кружилась, в теле была слабость, но он нашел в себе силы встать с кровати и направиться к двери. Было невыносимо находиться одному в этой тишине и темноте, и он вышел из палаты. В коридоре было прохладно, как будто кто-то открыл окно. Рикардо подошел к лифту и спустился на несколько этажей вниз, где была реанимация.

- Сеньор Агирре, вам нельзя выходить из палаты, а уж сюда тем более нельзя ходить. - Послышался голос медсестры, заставивший его вздрогнуть.

- Дайте мне увидеть Джулию. Почему вы не разрешаете мне увидеть ее?

- В реанимацию нельзя заходить посторонним. Возвращайтесь в палату, сеньор Агирре.

- Я должен ее увидеть! Что вы с ней сделали? Вы не имеете права мешать мне быть рядом с ней! - Вскричал в бешенстве Рикардо и сильно дернул ручку двери в реанимационное отделение. Дверь не поддавалась, и мужчина ногой ударил по двери. Медсестра попыталась его удержать, но он оттолкнул худенькую и маленькую девушку и выругался.

- Сеньор Агирре, успокойтесь. Ваша женщина получила серьезные травмы, и мы делаем все возможное, чтобы она поправилась, - холодным тоном сказал врач, выходя из реанимации. - Вы мешаете нам работать и пугаете пациентов.

Врач взял Рикардо под руку, чтобы помочь ему добраться до палаты, но мужчина грубо вырвал руку и, ругнувшись, направился к лифту. Поднявшись на свой этаж, он направился к своей палате. Мимо него прошли два молодых парня в одежде младшего медицинского персонала, и Рикардо услышал, что они говорили про снег и крышу. Мужчина остановился около своей палаты, а потом направился на крышу. С каждой ступенькой становилось все холоднее, и вот дверь. Она была открыта, и мужчина вышел на крышу.

Было очень холодно, падал белый пушистый снег. Рикардо постарался унять дрожь от холода и направился к ограждению. Облокотился о него и посмотрел вниз. В голову пришла шальная идея, что если он заболит, то окажется в реанимации рядом с Джулией. Он должен быть рядом!

Маркус Агирре

Дядя дал ему денег, и Маркус смог купить билет на ближайший рейс. Самолет вылетал в два часа ночи и прилетал в Мадрид днем. Маркус старался не нервничать и оставаться спокойным. Ему нужно быть спокойным и сохранять трезвую голову. Потому что надо разобраться со всем, помочь отцу и маленькому братику.

В голове было очень много мыслей, они мешали сосредоточиться и отдохнуть, но все-таки уставшее после тренировки тело смогло немного отдохнуть, а мозг расслабиться. До первой воздушной ямы. В середине салона заплакал ребенок. Молодой человек проснулся и посмотрел на спинку кресла. Началась турбулентность. Маркус снова закрыл глаза. Поспать ему больше не дали. Самолет сильно трясло, что чувствовалось очень сильно в хвостовом отсеке самолета, на последнем ряду. Он не боялся летать, просто это вызывало у него легкую панику. Ведь в самолете он начал заболевать, начались зрительные и слуховые галлюцинации.

Турбулентность закончилась, и остаток полета прошел спокойно. Молодой человек прошел паспортный контроль и вышел на улицу. Здесь было холодно, шел снег, и Маркус поймал такси. Направился напрямиком в королевский госпиталь.

Ему сказали, что отец ведет себя плохо, не ест и не принимает лекарства, и Маркус, оставив куртку в гардеробе, направился к лифту. На нужном этаже он вышел и, сообщив медсестре, скучающей на посту, направился к нужной палате. Вот только отца там не было. Медсестра испуганно пожимала плечами, не зная, что делать, ведь получилось, что она упустила пациента, но взяла себя в руки и побежала в ординаторскую, чтобы сообщить о ЧП. А Маркус принялся. Конечно, если бы он перекинулся сейчас гиеной, было бы проще. Но здесь больница, а не зоопарк, и эти действия могут напугать пациентов. Хотя что-то от гиены у него есть, и, сосредоточившись, Маркус уловил запах отца. Такой знакомый и далекий. Никогда раньше Маркус не думал, как именно пахнет его родитель, да и к людям он особо не принимался, а то не так поймут. И к Юми Судзуки он тоже не принимался. Хотя можно на досуге подумать о запахах. Написать диссертацию.

Запах вел куда-то вглубь коридора. Маркус подошел к двери и открыл ее. Это была, вероятно, запасная лестница. Запах шел вверх. На крышу. Маркус вздрогнул и побежал на крышу. Отец стоял там. Опираясь на ограждение. Рука в гипсе, больничная рубашка в горошек мешком висела на худом теле мужчины. Тронутые сединой волосы были влажные. Снег заметал следы.

- Папа? - Произнес Маркус, осторожно подходя к нему. - Пойдем в палату?

Рикардо Агирре

Было холодно. Легкая больничная рубашка не спасала от холода и ветра. Но ему было плевать, что с ним будет потом. Он хотел быть с Джулией, он мечтал, чтобы она была рядом с ним. Он должен надеть на ее палец кольцо. Она не может умереть. Не может.

Снег падал в глаза и лицо и заставлял его жмуриться. Из глаз текли слезы, они замерзали на щеках, но он не обращал на это внимания. В голове пульсировала мысль - никаких изменений нет. Да и какие могут быть изменения, если прошли сутки? Она лежит там, подключенная к аппаратам. Дышит через трубку, ест через трубку, да и все остальное происходит через трубочки. И неизвестно, сможет ли она вернуться. А если она останется такой навсегда? Если она всегда будет такой - не человеком, но и не овощем?

Нужно попасть к ней. Обязательно. Он не может оставаться здесь. Он должен находиться рядом с ней. Держать ее за руку. Как в машине...

Снег заметает следы. Мужчина зажмурился от нахлынувших воспоминаний.

Несколько лет назад они попали на концерт. Рабочая поездка в Россию, концерт в государственном кремлевском дворце, лежа на четверых. Лаура с Моррисом и он с Джулией. Певец балканского происхождения с красивым голосом и лирической песней. У него много песен лирических, и пел он их одной единственной женщине.

Рикардо тихо переводил слова песни своей секретарше, так как она не понимала русский язык. Джулия, тогда еще молодая тридцатидвухлетняя женщина, внимательно слушала эту песню. А потом несколько недель напевала ее себе под нос...

Голос заставил его вынырнуть из болезненных воспоминаний и вздрогнуть. Он открыл глаза и повернул голову к сыну. Внимательно посмотрел на него, а потом вернулся к осмотру неба.

- Я должен попасть к ней. Я нужен Джулии. Они не пускают меня к ней. Я не пойду в палату! - Проворчал Рикардо, поёжившись от холода.

Маркус Агирре

Отец далеко не сразу его заметил, и молодой человек хотел снова обратиться к нему, жалея, что оставил свою куртку в гардеробе. В дверной проем просунулась голова медсестры, и Маркус попросил ее позвать кого-нибудь и принести плед или одеяло. Девушка ушла, а молодой человек подошел к отцу. Тот как раз его заметил и несколько секунд смотрел на него, а потом отвернулся. Маркус заметил дорожки слез на щеках и странный блеск глаз.

- Они не пускают тебя туда потому, что нель-зя, - сказал молодой человек, подходя ближе и накрывая своей ладонью его напряженную руку. - Тебе нель-зя здесь оставаться, ты можешь за-бо-леть. В твоём возрасте это опас-но.

Рикардо Агирре

Почему так жесток снег? Заметает твои следы.

И по кругу зачем бег? И бежишь от меня ты.

Не дает до утра спать снег растаявший - он вода.

И одно ты должна знать - я люблю тебя навсегда.

Вместо слов Маркуса в сознание всплывала эта песня. Пятнадцать лет назад они слушали ее на концерте. Тогда еще не было ничего, Джулия Хуантос была просто его секретаршей. Сейчас она его невеста. Была...

Прикосновение теплой ладони сына к его руке заставило его вынырнуть из своих болезненных воспоминаний и резко убрать руку. Холодно посмотрел на сына.

- Да отвали ты от меня! Я не хочу возвращаться в палату! Зачем ты приехал сюда?! Ты хочешь меня пожалеть?! Мне не нужна твоя жалость! Они хотят отнять у меня Джулию! Ты с ними заодно?! Что тебе от меня надо?! Ведь ты отнял у меня Лиду...

Рикардо говорил раздраженным тоном, а потом сорвался на крик. Он посмотрел на сына, потом увидел, что на крыше появилась медсестра, и сжал руку в кулак.

Маркус Агирре

Маркус болезненно поморщился, когда отец упомянул его мать. Но он постарался не обращать на это внимания, чтобы не упустить ничего важного. А важное было. Крик. Болезненный крик, вопрошающий о помощи. Маркус посмотрел на девушку, прижимающую к груди плед, и покачал головой. Он очень не хотел, чтобы кто-то был свидетелем их семейных разборок, но это было не в его власти. Надо успокоить отца.

- Подумай о Фоксе. Если ты сляжешь с воспалением легких или, не дай бог, умрешь, то что станет с ним? - Покачал головой Маркус. Отец вел себя неадекватно, и ему было стыдно за его поведение.

Он подошел к отцу, который замахнул руку для удара, и резко ее перехватил. Отпустил и дал отцу пощечину.

- Ты хочешь, чтобы Фокс остался один на этом свете?! Ты хочешь, чтобы он никогда не пришел к тебе, не обнял? Мне плевать на него, я не буду его воспитывать! Ты подумал, что будет с ним, когда дети в его классе узнают, что его папа, которого он так любит, оказался слабаком, который готов сдаться вместо того, чтобы делать что-то для Джулии.

Маркус дал еще одну пощечину отцу. Он был в ярости от того, что отец готов опустить руки. Он понимал, что тому нужна помощь и был готов ее оказать, если бы убедился, что Рикардо сам хочет себе помочь. А еще ему были непонятны метаморфозы, произошедшие с ним. Он не мог простить отца за такие слова и поступки. Потому что опускать руки рано. Джулия может выкарабкаться, и отец, его поддержка, может ей помочь. Если отец сломается, то Джулия может не найти выход.

Рикардо Агирре

Пощечины были унижительными. Первая пощечина заставила его вздрогнуть, а из-за второй он отступил на шаг, поскользнулся и, не удержав равновесие, упал на колени. Из груди вырвался всхлип, внезапно стало очень холодно.

- Маркус, я боюсь. Я не хочу больше никого терять. Я не смогу пережить, если потеряю еще и ее.

Он зажмурился и весь как-то сгорбился. Перед глазами появилась Джулия, его самая любимая секретарша, ставшая несколько лет назад его женщиной. С ней было связано столько воспоминаний, ведь были они вместе почти тридцать лет. Он не имеет права сдаваться... Не для того она терпела его характер, чтобы он сейчас

сдался...

- Мне холодно... - прошептал мужчина, всхлипывая и боясь посмотреть на сына.

Маркус Агирре

Пощечина сделала свое дело, и отец упал. Маркус опустился на колени напротив него и обнял его. Больничная рубашка была мокрой и холодной, на волосах застыли корочки льда, тело пробивала очень крупная дрожь, из груди вырывались всхлипы. Жалкое и унижительное зрелище. Маркус посмотрел на медсестру и попросил плед. Худенькая маленькая девушка накинула на плечи мужчины плед и отошла в сторону. Маркус укутал отца, а потом встал на ноги. Помог подняться своему родителю, и обнял его, стараясь поддерживать. Рикардо делал неуверенные шаги и казался каким-то смирным и потерянным.

Они добрались до его палаты. Маркус усадил его на кровать. Через несколько минут в палату вошел врач. Он долго ругался, что пациент оказался проблемным и тяжелым во всех смыслах. Молодой Агирре извинился за поведение отца и, когда доктор ушел, сел напротив и протянул отцу тарелку с похлебкой. Не дожидаясь, когда отец возьмет ее, он начал кормить его. Дрожь отца была очень сильной, и молодой человек боялся, что тот может заболеть. Ведь на улице был снегопад, а папа стоял на крыше больницы без одежды.

- Тебе надо переодеться и лечь в кровать. Я буду рядом, папа, - сказал молодой человек, когда отец доел суп. Осторожно протер его рот полотенцем.

Рикардо Агирре

Щеки налились стыдливым румянцем, когда врач начал отчитывать его за непристойное поведение. Хотелось провалиться сквозь землю от стыда, и положение усугублялось еще и тем, что это видел Маркус. Он не смог стать сыну опорой и поддержкой, идеалом и примером для подражания. Он был слабаком. Об этом даже говорил Мануэль, избивая его много лет назад. Мануэль его всегда ненавидел, да и многие, с кем он связывался, его ненавидели. Он сам старался быть таким, чтобы его боялись и ненавидели. И все было нормально, вот только ненавидели его еще мать и сын. Он не мог понять, почему мать его ненавидела, и сейчас он не понимал, почему сын, перед которым он сильно опозорился, не бросит его.

Сопротивляться не было сил, и он послушно, стараясь не выпустить наружу унижительные и постыдные слезы, съел всю еду, которую скармливал ему Маркус. Суп был вкусным, но вряд ли он смог бы назвать ингредиенты, из которых он был приготовлен. А когда Маркус осторожно и нежно, заботливо прикасаясь, протер полотенцем его лицо, не сдержался и заплакал.

Маркус Агирре

- Па, ты чего? Не плачь, я не брошу тебя. Тебе надо переодеться и отдохнуть. Травма была серьезная, нужно восстанавливаться. Я не брошу тебя, папа, - твердо сказал Маркус, обнимая отца и прижимая его голову к своей груди.

Сейчас Маркус больше всего хотел, чтобы отец просто заснул. Он останется с ним в палате, в крайнем случае, побудет с этой медсестрой, чтобы ей не было скучно. Но он не хочет слушать слезы отца. Не потому, что неприятно - нет. Просто он совершенно не знал, как его успокоить. Несколько минут назад Маркус понял, что отец помнит его мать. Ее образ остался в его памяти, хотя тема той любви никогда не затрагивалась. После болезни Маркус, вспоминая, как-то спросил у отца, помнит ли он его мать, и Рикардо сухо ответил, что это не его дело. Но Джулия в тот день по секрету сказала, что пришла на работу к сеньору Агирре через несколько дней после похорон этой девушки. И первое время Рикардо был сам не свой.

Когда отец немного успокоился, Маркус помог ему сменить больничную рубашку на сухую и теплую, и уложил его в кровать. Отец закрыл глаза, и Маркус заботливо укрыл его одеялом и откинул прядь волос с его лба. Задумчиво посмотрел на него, а потом наклонился и поцеловал его в лоб.

В одноместной палате не предусмотрено нахождение второго человека, поэтому Маркусу негде было улечься. Недолго думая, он постелил плед на пол и лег на него, свернувшись клубком, насколько это было возможно человеку. Можно было стать гиеной, но не поймут. Испугаются и пристрелят. Но даже если он и любил быть гиеной, то сейчас хотел быть преданной гиеной, которая будет лежать рядом с "хозяином" и оберегать его сон и покой. А то, что на полу... так не на улице, уже хорошо.

Он очень быстро заснул, вымотанный бессонной ночью, стрессом и перелетом. Но сон его был очень чутким, как полагается гиене...
